

**РЕЧЕВОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ XVIII ВЕКА**

Статья посвящена реконструкции речевых портретов региональной языковой личности XVIII в., представляющей разные социальные категории. Процедура речевого портретирования проводится на материале писем делового содержания, и в связи с воссозданием регионального лингвокультурного типажа той эпохи применяется методика Караулова – Китайгородской, Розановой, предполагающая моделирование языковой личности по трем уровням – прагматикону, тезаурусу и лексикону.

В результате проведенного исследования реконструированы:

1) речевой портрет языковой личности высокопоставленного чиновника как представителя элитарной речевой культуры, полностью лишенной проявления черт забайкальского региолекта;

2) речевой портрет языковой личности военнотруженика, которую отличает средний уровень речевой культуры, проявляющийся в активном использовании книжно-славянских и народно-разговорных средств. Такое взаимодействие генетических разнородных языковых средств отражает определенный уровень речевых компетенций пишущего и в отдельных случаях отвечает коммуникативному намерению адресанта, но в целом противоречит жанру письма делового содержания.

3) речевой портрет языковой личности купца, характеризующейся низкой речевой культурой. Низкий уровень речевых компетенций свидетельствуется тем, что автор письма, не владея нормами литературного языка, обращается к средствам забайкальского региолекта.

Ключевые слова: речевой портрет, региональная языковая личность, прагматикон, тезаурус, лексикон, региолект.

А. П. Mayorov

Ulan-Ude, Buryat State University

**SPEECH PORTRAIT OF A REGIONAL LINGUISTIC
PERSONALITY OF THE 18TH CENTURE**

The article is devoted to the reconstruction of speech portraits of a regional linguistic personality of the 18th century, representing different social categories. The procedure of speech portraiture is carried out on the material of letters of business content, and in connection with the recreation of the regional linguocultural type of that era, the method of Karaulov – Kitaygorodskaya, Rozanova is used. This method involves modeling the linguistic personality on three levels – prag-

mation, thesaurus and lexicon.

As a result of the study, the following were reconstructed:

1) a speech portrait of a linguistic personality of a high-ranking official as a representative of an elite speech culture, completely devoid of the manifestation of the features of the Trans-Baikal region;

2) a speech portrait of the linguistic personality of a serviceman, which is distinguished by the average level of speech culture, manifested in the active use of book-Slavic and folk-colloquial means. Such interaction of genetic heterogeneous linguistic means reflects a certain level of speech competence of the writer and in some cases corresponds to the communicative intention of the addressee, but generally contradicts the genre of writing with business content.

3) a speech portrait of a merchant's linguistic personality, characterized by a low level of speech culture. The low level of speech competences is evidenced by the fact that the author of the letter, not knowing the norms of the literary language, turns to the means of the Trans-Baikal region.

Keywords: *speech portrait, regional linguistic personality, pragmatics, thesaurus, lexicon, regiolect.*

doi 10.22250/WFDA.2021.17.12

Введение

Метод речевого портретирования языковой личности стал востребованным в исторической лингвистике еще с 90-х гг. XX-го столетия. Несмотря на известное положение о невозможности применения современного лингвопрагматического подхода к древним текстам, «связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [1, с. 137], историки языка уверенно берутся за исследование старорусского текста как дискурса и за анализ субъектов речи в разножанровых текстах XVII–XVIII вв., позволяющих воссоздать прагматические, социокультурные, психологические факторы идентификации определенных типов языковой личности. Вполне обоснованной представляется реконструкция индивидуальной модели исторической языковой личности при обращении к текстам, созданным одним лицом на протяжении длительного отрезка времени [2, с. 26; 3, с. 30]. Иной аспект исторической лингвоперсонологии допускает дифференциацию русских языковых личностей XVII в. в пределах одного социального слоя посредством комплексного методологического подхода, в котором определенные языковые единицы получают «статус сигнальных элементов при моделировании создателя текста анализируемого временного среза» [4, с. 6]. С другой стороны, в отличие от описания индивидуальной модели языковой личности для определенной исторической эпохи может проводиться изучение обобщенного представителя и носителя языкового сознания этноса в целом [5, с. 168–173]. Специфика исторической лингвоперсонологии предопределяет исследование так называемого совокупного типа языковой личности, актуального для российского делового дискурса XVIII в., и на основе этого – воссоздание его речевого портрета [6]. Неоспоримо, на наш взгляд, и рассмотрение конкретных функционально-стилистических разновидностей текстов XVIII в. в лингвопрагматическом аспекте. В частности, актуален анализ публицистического текста

как дискурса, в котором адресант и адресат изучаемого периода исследуются в роли участников дискурсивного взаимодействия и лингвокогнитивной коммуникации [7, с. 138].

В данной статье языковая личность отдельных индивидуумов рассматривается как лингвокультурный типаж исследуемой исторической эпохи, и цель исследования состоит в том, чтобы воссоздать речевой портрет языковой личности представителя той или иной социальной общности, обладающего определенным уровнем речевой культуры. Своеобразие реконструкции речевого портрета региональной языковой личности заключается в том, что источником речевого портретирования служат тексты региональной деловой письменности, в частности забайкальские письменные памятники XVIII в. В свою очередь сфера канцелярско-делового общения в XVIII в. предъявляет жесткие жанровые, стилистические и пр. требования к реализации коммуникативного замысла пишущего. Адресант обязан был соблюдать свойственные определенному жанру документа правила его структурирования, использовать обязательные для этого жанра речевые формулы, стилеобразующие средства и т.п., не говоря уже о том, что пишущий должен был иметь элементарные навыки построения письменного текста согласно той или иной коммуникативной задаче, владеть нормами делового письма. Поэтому особо важные деловые бумаги – распорядительные документы типа указа, приказа, промемории и пр., составляли профессиональные писцы – канцеляристы, подканцеляристы, копиисты, пищики; редактированием таких документов занимались коллежские регистраторы, секретари. Кроме того, в процессе создания документа могли принимать участие и высшие должностные лица, например, руководство магистрата – бургомистр, ратман и пр. Таким образом, в решении задачи речевого портретирования встает проблема полисубъектности организации текста, связанная с коллегиальным характером делопроизводства, и здесь можно говорить лишь о так называемом совокупном или коллективном типе языковой личности²⁰.

Тем не менее, среди многочисленных жанров деловой письменности того времени есть такой, который относительно свободен от жестких параметров канцелярского делопроизводства – это деловые (служебные) письма. Данный жанр позволяет по индивидуальным речевым явлениям воссоздать особенности речи определенной общественной среды, представителем которой является субъект портретирования. В свое время Л. П. Крысин подчеркивал, что индивидуальный стиль может служить для создания определенной модели языковой личности обобщенного представителя той или иной лингвокультуры [8, с. 90].

В качестве методологической основы исследования взята концепция Ю. Н. Караулова – Г. А. Китайгородской, Н. Н. Розановой, опирающаяся на такие принципы описания языковой личности, как характеристика вербально-семантического уровня (или лексикон), реконструкция языковой модели мира личности (или тезаурус), а также выявление мотивов и целей, управляющих текстами личности (или прагматикон) [9, с. 43; 10, с.4].

²⁰ Е.И.Иванцова считает, что «терминообозначения «коллективная ЯЛ» (с его синонимическими аналогами «совокупная», «полилектная», «многочеловеческая» и т.п.) не решают проблему внутренней противоречивости, алогичности номинации обозначаемого явления» и выступает против, по ее мнению, чрезмерно расширительного употребления термина [11, с. 29].

В статье процедура речевого портретирования будет выстраиваться не от нижележащего, вербально-семантического уровня к вышележащему, а наоборот – от исследования прагматикона к анализу лексикона языковой личности. Актуальность такого подхода определяется необходимостью определить в первую очередь социокультурные факторы употребления в текстах писем языковых единиц разных уровней.

Для исследования выбраны три письма, составленных людьми разных социальных статусов:

1) письмо начальствующего над Нерчинскими заводами Егора Егоровича Барботдемарина;

2) письмо капитана Ильинского острога Михаила Миклашевского;

3) письмо купца Ивана Иванова.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что социолингвистическая составляющая речевого портрета играет определяющую роль в идентификации языковой личности индивида как представителя той или иной социальной общности.

Речевой портрет Егора Егоровича Барботдемарина

Прагматикон. Среди прагматических факторов, характеризующих речевой портрет указанной языковой личности, прежде всего необходимо рассмотреть структуру речевого акта, коммуникативные роли участников речевого взаимодействия и коммуникативное намерение адресанта. Вербальный текст письма по своей сути отображает конфликтный тип речевой ситуации, в которой адресант – начальствующий над Нерчинскими заводами Егор Егорович Барботдемарин, обращается к адресату – верхнеудинскому коменданту и городничему Ивану Андреевичу Аппельгрейну с просьбой о срочной отправке на Нерчинские заводы рассыпанного неким Старковым по деревням казенного хлеба. Приведем текст письма полностью:

23 августа 1791 г.

| л. 25 | Получень сентябрю 2 1791^{го 1)} Милостивый государь мой Иванъ Андрѣевичъ ! | на благосклонное увѣдомленіе ваше о при|чинахъ побудившихъ свинечныхъ поставщиковъ | повѣреннаго Старкова не отправлять до 1^{го} ок|тября изъ Верхнеудинска въ заводы провіанта | имѣю честь въ отвѣтъ служить, что объ|явленіи Старкову со стороны конского па|дѣжа не-основательны тѣмъ, что язва на | лошадеи владычествовала только по право|му берегу Она на въверхъ около Чинантъ|рукуевской крѣпости но по Трактовои чрезъ | Читинскои острогъ и городъ Нерчинскъ дорогѣ | язвы сеи не было и нынѣ нѣтъ; слѣдовательно | л. 25 об. | не конской падѣжъ былъ причиною, что | своцики казенной хлѣбъ разсыпали по | деревнямъ, а собственной ихъ произволь | въ которомъ оне Старкову отъветъ дать должны точно такъ, какъ Старковъ заво|дамъ которые онъ в хлѣбной недостаток²¹ | приводит . а посему васъ милостиваго | государя моего покорнѣише прошу Стар|кову объявить приказать, чтоб онъ не|мѣдленно какъ по деревнямъ разбросан|ной хлѣбъ, такъ и не отправленной еще | по его договору изъ Верхнеудинска, какъ | наискоряе возможно въ нуждающіяся | л. 26 | хлѣбомъ заводы доставилъ о чемъ и | къ нему отъ меня писано . я имѣю честь съ истиннымъ моимъ |

²¹ Здесь и далее, в текстах двух других писем, в соответствии с эдичионной практикой, сложившейся в Институте русского языка АН СССР, выносные буквы опускаются в строку и выделяются курсивом.

почтением и преданностью быть | ваш милостиваго государя моего²⁾ | покорнейший слуга Егоръ Барботьдемарин³⁾ | N 679 | ч 23 августа 1791 года | Нерчин. заводъ

1) Далее вторым почерком. 2) Далее третьим почерком. 3) Далее вторым почерком.

[12, с. 58].

Данное письмо как речевой акт просьбы состоит из пяти компонентов: 1) обращение; 2) мотивировка составления ответного письма; 3) изложение сути конфликтной ситуации как обстоятельство обращения с просьбой; 4) собственно просьба; 5) формула конечного протокола. Как отмечают исследователи, компоненты подобного речевого акта неравноценны: ядро его составляет «собственно просьба», а остальные компоненты являются дополнительными [13, с. 115]. Из компонентов исследуемого письма формула обращения (*милостивый государь*), формула мотивировки составления ответного письма (*имею честь в ответ служить*), формула конечного протокола (*имею честь ... быть ваш покорнейший слуга*) вообще являются элементами фатической коммуникации, не несущими необходимой информации. Отсюда следует важный, сделанный В.И. Карасиком вывод: чем больше дистанция между коммуникантами, тем вероятнее развернутая схема [цит. по 13, с. 115]. В этом случае возникает потребность в грамотном и подробном изложении сути дела незнакомому или малознакомому лицу.

Коммуникативное намерение адресанта передается перформативом *прошу* (*а посему вась... покорнейше прошу*). Характерно, что в системе жанров деловой письменности XVIII в. устойчивое словосочетание *покорнейше прошу* было формулой-клаузулой в различного рода просительных документах – челобитных, прошениях, просьбах, объявлениях, доношениях. Однако в анализируемом случае жанр письма избран намеренно, так как отношения между коммуникантами далеки от отношений просителя с официальным заявлением и сотрудника учреждения, ведающего приемом и регистрацией подобных документов. Автор письма в соответствии со своим социальным статусом и должностными обязанностями считает необходимым вмешаться в создавшуюся конфликтную ситуацию и обращается к должностному лицу, который несет определенную ответственность за сложившееся положение дел, с целью побудить его принять необходимые меры.

Тезаурус. При характеристике этого уровня речевого портретирования, вслед за Г. А. Китайгородской и Н. Н. Розановой, исходим из того, что «тезаурус языковой личности – это языковая картина мира, которая при описании речевого портрета этого уровня отражается в использовании характерных разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, по которым мы узнаем личность» [10, с. 45].

Прежде всего в речевом портрете языковой личности Е. Е. Барботдемарины социально маркированной выступает такая деталь, как формула обращения *милостивый государь*. Обратим сразу внимание на книжно-славянский вариант формы прилагательного в им.п. ед.ч. муж.р. с окончанием *-ый* при норме употребления в деловом языке данной формы прилагательного с флексией *-ой* (ср. в этом же тексте *Читинской, конской, собственной, разбросанной* и др.). В составе этикетной формулы форма на *-ый* несет стилистическую нагрузку официального и несколько церемонного обращения к лицам высокого социального положения.

В социокультурном аспекте выражение *милостивый государь* выполняет достаточно сложную функцию характеристики социальных отношений между адресантом и адресатом. Наряду с должностью начальствующего над Нерчинскими заводами Е. Е. Барботдемариин имеет чин коллежского советника, а данный гражданский чин по петровской «Табели о рангах» относится к VI классу, соответствуя чину армейского полковника. Его адресат – И. А. Аппельгрейн, исполняя должность верхнеудинского коменданта и городничего, имеет чин секунд-майора, относящийся к VIII классу. В анализируемой речевой ситуации происходит речевое взаимодействие между высокими по должности и по чину лицами, и титул *Ваше высокоблагородие*, принятое при обращении младшего по чину и званию к старшему по титулу к лицам в чинах VI-VIII-го классов, со стороны Е. Е. Барботдемариина, бывшего по чину выше И.А. Аппельгрейна, в системе строгого соблюдения чинопочитания было исключено.

Из других наиболее ярких черт, идентифицирующих языковую личность начальника Нерчинскими заводами в социокультурном плане, следует назвать формулы речевого этикета *имею честь в ответ служить* и *имею честь ... быть ваш покорнейший слуга*. В основе этих словесных оборотов находится устойчивое словосочетание *имею честь*, представляющее собой кальку с французского *j'ai l'honneur*, а, точнее, в целом лексико-синтаксическая модель *имею честь* + инф. – это калькирование французского оборота *j'ai l'honneur de* + инф.

Как известно, в последней трети восемнадцатого столетия русское дворянство было охвачено галломанией; из французского в русский язык поступали прямые заимствования, заимствования в виде калек словообразовательных и семантических, фразеологические галлицизмы, синтаксические галлицизмы. Распространены были устойчивые глагольно-именные словосочетания, из которых словесные обороты с глаголами *делать* и *иметь*, как правило, представляли собой буквальные переводы французских выражений: например, *faire honneur* → *делать честь*, *faire connaissance* → *делать знакомство*, *avoir patience* → *иметь терпение*, *avoir honneur* → *иметь честь*. Что касается последнего словосочетания, то оно стало своеобразной этикетной формулой, служащей знаком речевого поведения дворян.

В тексте письма особо следует отметить употребление книжного слова *владычествовать* в переносном значении 'господствовать, первенствовать, царить' [14, с.198]: *язва на лошадей владычествовала только по правому берегу Онона*. Данная лексема, церковнославянская по происхождению (на что указывает помета *Слав.* в словарной статье) [14, с. 198], характеризует индивидуальный стиль исследуемой языковой личности, однако в то же время ее метафорическое употребление отображает тенденцию формирования нового слога, сочетавшего церковнославянские элементы с элементами французской риторики. Примеры этого слога встречаются в текстах писателей А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина, ученых, публицистов того времени, т.е. тех, кто занимался преобразованием и совершенствованием норм литературного языка нового типа в условиях дальнейшей секуляризации и европеизации русской культуры во второй половине восемнадцатого столетия.

Рассмотренные ценностные ориентиры объединяют автора письма с лучшими представителями российского истеблишмента и культуры той эпохи, реализуясь в таких речевых проявлениях, которые заставляют квалифицировать языковую личность Е. Е. Барботдемариина как носителя элитарной речевой культуры.

Лексикон. Рассуждая о взаимосвязи уровней языковой личности, Ю. Н. Караулов подчеркивает, что, «коль скоро известна ценностно-смысловая иерархия понятий в авторской картине мира, известны его цели, то объяснению поддаются и вербально-семантические и структурно-языковые средства, использованные в его текстах» [9, с. 45]. Отличительной чертой лексикона письма является употребление книжных слов, небольшой ряд из которых маркирован как стилеобразующие средства канцелярского слога. В тексте письма используется 16 книжных лексем, что составляет около 13 % от 115 лексических единиц – общего количества всех знаменательных слов, за исключением имен собственных. Это такие слова, как *благосклонное уведомление, неосновательны, сеи, объявлении, язва, наискоряе, нуждающаяся, почтениемъ, преданностию, покорнейше, покорнейший, владычествовала, милостивый, посему, следовательно.* Их функционально-стилистическая роль устанавливается в полном соответствии с коммуникативным намерением и ценностными ориентирами автора письма, что свидетельствует о высоком уровне речевых компетенций языковой личности Е. Е. Барботдемарины.

Следует отметить, что, автор письма в совершенстве владеет навыками построения монологической речи, нормами литературного языка нового типа, и региональный узус русского языка в Забайкалье ему чужд полностью.

Речевой портрет капитана Ильинского острога Миклашевского

Прагматикон. Письмо капитана Миклашевского – это ответ на письмо архимандрита Мисаила, который, похоже, обвинял капитана в своевольном присвоении монастырских лошадей, и по своему коммуникативному назначению данное письмо представляет собой речевой акт оправдания капитаном своих действий.

Таким образом, адресантом является капитан Ильинского острога Михаил Миклашевский, адресатом – архимандрит Троицкого Селенгинского монастыря Мисаил. Текст письма следующий:

Пречестныи отць святыи архимандрит Мисаил желаю | бл̃гословения в̃шегw ї w здравїи в̃шем ї ото все' братїи | слышати а w себѣ в̃шему бл̃гословению доношу что я | ннѣ в Ъркуцком и з женою своею з живыми счисляюся ї бл̃го|словения в̃шего прошу бл̃годарен отць архимандрит Миса<ил>⁵⁾ | за в̃ше бл̃гословение ї мнѣтрско' в̃ше' каши что лошквю | кормите а стеблем глас колите ежели есть вам wбид<a>⁶⁾ | что приняли мы желаючи бл̃гословения в̃шегw да бл̃гов<o>⁷⁾лите насад взят нежели меня худым словом wтносит<...>⁹⁾ | жалобу в̃ше бл̃гословение и отць Тре<илїи> изволит<e>¹⁰⁾ | присылат к инквизитеру wб лошадях что я у вас взял насил<но>¹¹⁾ | чебарых лошадей а я шлюс в том на в̃ше бл̃гословени<e>¹²⁾ | что =я= в̃шему бл̃гословению давал за wных лошаде<й>¹³⁾ | денги а в̃ше бл̃гословение не поволил дн̃гъ взят и оглаш<ать>¹⁴⁾ | нас худым словом не надлежало бы понеже я у вас в мнѣтрѣ | обиды никакой не учинил и может быть по первому пути | к вам в мнѣтрѣ понеже нам до вас касаетца еще дела. | а инквизитер wб оном дѣле безпрестанно нам говwрит ї упр<e>¹⁵⁾каеть нас ї ваше бл̃гословение поволте к нам отписат¹⁶⁾

л. 96 | ¹⁷⁾ Кому ихъ повелите взят или их инквизитеру их поволите | отдаст изволте wтписат к нам против н̃шего писания с Ъркуцким служилым чл̃вком с Миха'лом

Леденцовым а къ инквизи|теру изволте отписат с оным же Леденцовым чтоб нам от него | инквизитера вперед такова худа слова не было капита<н>¹⁸⁾ | Миклашевскїи бл̃гословения прошу и покорне кланяюся | и з женою; ¹⁹⁾ іеродиакон Арсенїи Јевлевъ

⁵⁾⁻¹⁵⁾ ветхий край листа, чтение предположительно; ¹⁶⁾ далее продолжение письма на листе 96; ¹⁷⁾ над текстом документа вторым почерком написано к № 23^{му}; ¹⁸⁾ ветхий край листа, чтение предположительно; ¹⁹⁾ далее третьим почерком; ²⁰⁾ далее четвертым почерком; ²¹⁾ далее пятым (вторым?) почерком.

[15, с.60-61].

В отличие от первого письма в письме капитана Миклашевского достаточно четкого структурирования не прослеживается. В нем с определенной уверенностью можно выделить 4 компонента: 1) обращение; 2) просьба о благословении; 3) оправдание капитаном своих действий по завладению монастырских лошадей; 4) вежливая просьба, чтобы архимандрит предупредил инквизитора о недопустимости с его стороны оскорблений капитана.

Нестрогая структура документа проявляется в некоторых тематических и лексических повторах, нарушениях связности текста, стилистических ошибках. Так, тема инквизитора, упрекавшего капитана, и попытка изложить просьбу о разрешении проблемы звучат раньше, чем это было сделано в конце письма (пункт 4): ... а инквизитер *ѡ*б оном дѣле безпрестанно нам говѣрит *ї* упр<е>каетъ нас.... Просьба о благословении повторяется несколько раз: в начале письма (*ї* бл̃гословения вѣего прошу), в середине письма (*ї* ваше бл̃гословение повол<ь>те к нам отписат<ь>) и в конце письма (бл̃гословения прошу и покорне кланяюся). Допускается логическое противоречие: первоначально адресант просит благословения, а затем просит благословение взять назад. Нарушается связность текста неуместным употреблением анафорического местоимения во фрагменте кому *ѡ* повелите вѣят<ь>..., поскольку в предшествующем высказывании нет антецедента для анафоры *ѡ*. В этом же фрагменте допущена стилистическая ошибка – повтор местоимения *ѡ* для отсылки к одному и тому же объекту, видимо, как результат влияния устно-разговорного построения фразы: или *ѡ* инквизитеру *ѡ* повелите | отдат<ь>.

В связи с нечеткой словесной организацией текста письма сложно однозначно определить коммуникативное намерение адресанта. Данное письмо – это и речевой акт просьбы (причем осуществляется несколько речевых действий просьбы разного содержания), и речевой акт оправдания, и акт-экспрессив, выражающий чувства обиды, и даже иронии (*с живыми счисляюся*), по поводу несправедливого, как считает Миклашевский, отношения к нему.

Различные коммуникативные интенции выражаются:

а) перформативом *прошу*; при этом в разных коммуникативных ходах просьба о благословении повторяется два раза;

б) формой повелительного наклонения глагола *благоволить* в просьбе отозвать благословение;

в) формой повелительного наклонения глагола *изволить* в этикетной формуле *извол<ь>те отписат<ь>* как средство выражения вежливой просьбы о предупреждении инквизитору прекратить оскорбления капитана Миклашевского;

г) перформативом *иллюс*<ь>, представленным в форме настоящего времени ед.ч. глагола *слати ся* ‘ссылаться на кого-, что-л. с целью доказать свою правоту’ [16, с.74], для выражения коммуникативного намерения оправдания.

Тезаурус. Языковая личность капитана Миклашевского, предстающая в тексте письма, своеобразна. Прежде всего следует отметить типичные черты такой языковой личности, которая, несмотря на некоторые погрешности в словесной организации текста, обладает довольно высоким уровнем речевых компетенций и хорошо владеет нормами литературного языка. Отмечаемые в ней примечательные черты индивидуального стиля соотносятся с типичными чертами, отображающими средний уровень речевой культуры, который присущ представителям социальной общности, к которой принадлежит капитан Миклашевский.

Из типичных черт стоит выделить употребление речевой формулы *пречестный отец*. Похоже, ей свойственна маркированность позиции начала в структуре письма, поскольку все такие письма к архимандриту Мисаилу начинаются с обращения со словом *отец*, имеющим эпитеты *всечестный, всепречестный, честный* в данной этикетной формуле, применяемой священнослужителями при обращении к архимандриту Мисаилу [15, с. 58; с. 62 (2 документа); с. 63 (2 документа)].

Стоит также обратить внимание на употребление словоформы *святый* с церковнославянской огласовкой окончания. Такое употребление оправдано коммуникативным заданием обращения к лицу духовного сана и свидетельствует об определенном уровне речевой компетенции адресанта.

Если в начале письма адресант Миклашевский не погрешил против правил речевого этикета, то в основной части текста он использует обращение *ваше благословение*, которое должно применяться к духовным лицам более низкого ранга, чем архимандрит, – иереям и протодиаконам [17, с. 81]. Обращение *ваше благословение* можно интерпретировать как особенность индивидуального стиля капитана Миклашевского, так как во всех документах Троицкого Селенгинского монастыря XVIII в., в которых есть обращение к архимандриту Мисаилу, оно выражается титулом *ваше преподобие* [15, с. 62; с. 63 (2 документа); с. 69; с. 77; с. 78]. Титул *ваше благословение* в синодальный период РПЦ считался допустимым синонимом титула *ваше преподобие* при обращении к иереям и протодиаконам, однако к архимандриту требовалось обращаться *ваше высокоблагословение* или *ваше высокопреподобие*²². Иными словами, в документах Забайкалья XVIII в. к архимандриту Мисаилу обращаются неправильно, и эту распространенную ошибку в титуловании архимандрита можно рассматривать в качестве определенной черты забайкальского региолекта, носителем которого выступает капитан Миклашевский.

Для характеристики ценностных ориентиров в языковой картине мира адресанта важное значение имеет употребление старославянского по происхождению слова *изволить*,

²² Словосочетание *Ваше преподобие* как средство титулования лиц духовного сана без различия в ранге священнослужителя было известно еще в XVII в. [20, с.22]. Вполне вероятно, что такое титулование, в отличие от иницированных Русской православной церковью изменений в ранжировании титулов с начала синодального периода, сохранилось в XVIII в. на окраинах Российской империи.

представленного в тексте письма двумя формами: формой наст. вр. 2 л. мн. ч. *изволите* и формой повел. накл. 2 л. мн. ч. *извольте*.

В первом случае глагол *изволить* употребляется либо в значении ‘пожелать’, либо в значении ‘выразить свою волю, распорядиться’ – значениях, знакомых этому слову еще в предшествующий период истории русского языка [18, с. 128]:

– жалобу више бл̃гословение и отць Трефилий **изволит**<е> | присылат к инквизитеру **ѡб** лошадях что я у вас взял насил<но>.

Контекст, к сожалению, не снимает многозначности слова, и данное высказывание можно понять как то, что архимандрит, называемый *ваше благословение*, и отец Трефилий либо захотели, либо распорядились отправить жалобу на капитана по поводу насильно взятых им лошадей инквизитору.

В другом случае глагол *изволить* употребляется дважды для выражения вежливой просьбы или приказа, и это значение формируется у слова в XVIII в. [19, с. 25]:

а) – кому ихъ повелите *взят* или их *инквизитеру* их повелите | **отдат изволте ѡтписат** к нам против н̃шего писания;

б) – а къ *инквизи*теру **изволте отписат** с оным же Леденцовым чтоб нам *от* него | *инквизитера* вперед такова худа слова не было.

Здесь также по контексту трудно определить, какое модальное значение – просьбы или приказа – у слова реализуется. В любом случае здесь каждое употребление глагола обусловлено этикетными правилами общения в данной речевой ситуации.

Актуализация употребления глагола *изволить* в значении вежливой просьбы или приказа в деловом языке XVIII в. была предопределена как общей тенденцией применения славянизмов в роли стилиобразующих средств канцелярского письма, так и потребностью маркировать новые этикетные средства в отличие от традиционных форм приказного слога.

Наконец, еще одна черта многогранной языковой личности адресанта связана с употреблением пословицы *ложкою кормите, а стеблем²³ глаз колите*, в контексте письма получающем такой смысл, что архимандрит попрекает капитана теми услугами, которые он же ему предоставляет. Выбор фразеологического выражения сделан благодаря эмоциональной составляющей его плана содержания, которая актуализируется в коммуникативной стратегии конфронтации – установке Миклашевского на то, чтобы сделать упрек архимандриту. Прибегая к народно-разговорным средствам в данной некооперативной стратегии, адресант занимается переключением кодов – с официального общения между людьми имеющими достаточно высокий социальный статус, на частно-бытовое общение, которое, как правило, связано с «выяснением отношений». Это не может характеризовать капитана Миклашевского как коммуникативно компетентного человека, придерживающегося определенных этических и коммуникативных норм.

Для анализа тезауруса языковой личности капитана Миклашевского ценность представляет словесный оборот *с живыми счисляюсь*, вероятно, имеющий окказиональный

²³ Форма *стеблем* представляет собой редкий вариант обычно употребляемой в этой пословице формы *стеблом* в знач. ‘рукоятью, череном’. Не исключено ошибочное прочтение слова составителем хрестоматии забайкальских текстов.

характер и содержащий коннотацию иронии. Скорей всего, он также имеет отношение к знаковому переключению кодов.

Таким образом, в картине мира капитана Миклашевского наблюдается определенная система ценностей и этических норм, которыми должны руководствоваться лица его социального круга. В то же время переключение кодов с официально-делового на частно-бытовое общение, происходящее в рамках некооперативной стратегии влечет за собой нарушение этих норм. В тезаурусе речевого портрета это проявляется в сочетании книжно-литературных средств, применение которых оправдано жанром письма делового содержания и нормами речевого поведения между официальными лицами, с народно-разговорными средствами, использование которых следует связывать с типом коммуникативной личности капитана Миклашевского, с индивидуальными чертами его характера.

Лексикон. Словарь письма Миклашевского генетически разнороден и функционально многопланов. С одной стороны, в письме активно употребляются славянизмы *благоволите, благодарен, благословение* (в разных формах), *впред<ь>*, *здравиш, изволите, оглашать, оный* (в разных формах), *понеже, пречестный*.

С другой стороны, используются народно-разговорные средства *желаючи, худо слово*, фразеологизм *ложкою кормите, а стеблем глаз колите*, передающие эмоциональное состояние адресанта, которое в письме делового содержания выражать неуместно.

Таким образом, употребление книжно-славянских и народно-разговорных слов, характеризующее вербально-семантический уровень рассматриваемой языковой личности, с учетом ценностно-смысловых ориентиров у автора письма, черт его социального функционирования и особенностей реализации им коммуникативных задач позволяет распознать в личности капитана Миклашевского средний уровень речевой культуры.

Речевой портрет купца Ивана Иванова

Прагматикон. В отличие от двух предшествующих писем официально-делового характера письмо купца Ивана Иванова по жанру является частно-бытовым. Адресантом здесь выступает забайкальский купец Иван Иванов, видимо, находящийся под арестом, а его адресатом – Прокопий Минин, один из его помощников. Коммуникативное задание письма заключается в том, что Иванов дает руководящие указания своему помощнику. Текст письма следующий:

|л.141 | Прокопе[и] я уведомылса что ты купилъ сена а ко мнѣ | не писалъ что у тебѣ нѣтъ сена однако тебѣ скоро | потребують сюда для допрошу то я тебѣ советую по|просить старосту чтобы онъ тебѣ далъ билетъ | до сых местъ и ти приезжай сюда поскорее а | кобылу отдай с конемъ Шилникову в табунъ а | возмы гнѣдова да халзаною ризенкою и возми | двухъ хомутовъ которее строчонимы слеймы | и седло если оно у тебѣ и приезжай сюда да смотри | чтобы у тебѣ приставъ не отнялъ то тебѣ и ехать | не на чемъ будетъ старайса чтобы онъ не зналъ | а если онъ спознаить то лутче доздись | какъ тебѣ потребують то мозесь и тогда взять ихъ | а у сѣбе лошадей не держы да и давно бѣ на=|до отдать в табунъ заведома мнѣ с нимъ | за прокормъ раздѣловатса будѣтъ а куп=|ленное сено побереги для коровѣ с теленкомъ | да розведай за что приставъ мою рыбу взялъ | да презде я тебе писалъ и Полскину чтобы | тебѣ сказать чтобы ти орѣхы пересипаль въ | новие мешки и старых би починить и в

ных | во всѣхъ достальных мешковъ муку и крупу насипать | л.141 об. | и всѣ оное постави в простой Полскинова ан=|баръ чтобы и достальное не похищено было | но ти мнѣ ни о чемъ не попросись написать и менѣ уведомить обо всемъ но попроси Полс=|кина написать обо всемъ того зъ дня не=|мало не мескай да из новых мешковъ при=|сли или самъ привези если ти мзесь скоро | отправитса хотя пять на орѣхы да попро|ши Шилникова чтобы онъ никому из лошадей | не одаваль без мене а я с нимъ напослѣдка | розьочтусь а Полскина попроси чтобы мнѣ даль | хотя сертукъ да сомсовой платокъ да бумазных | двухъ да дахалать <sic!> а хотя Тезяковъ и писалъ | чтобы хранить до розолучке потому что Качатовъ | писалъ что бутто би по мнѣ казенной судъ | <далее одно слово нрзбр.> | Иванъ Ивановъ

[НАРБ, ф.20, оп.1, д.492, л.141, 1785].

Побуждение к действиям адресата П. Минина осуществляется посредством глагольных форм в повелительном наклонении (*возми/возмы, смотри, дождись, не держы, побереги* и др.). Характерно, что для реализации своих коммуникативных намерений Иванов прибегает к забайкальскому региолекту, яркие особенности которого не являются препятствием к успешной речевой коммуникации.

Тезаурис. Первое, что бросается в глаза – это отсутствие каких-либо средств речевого этикета, присущих жанру частно-бытового письма. Возможно, тематика, функционально-коммуникативная направленность письма придавали ему исключительно прагматический характер и избавляли адресанта от традиционного вербального оформления письменного текста указанного жанра. Однако более обоснованным выглядит другое предположение: автор письма не владел нормами литературного языка, потому что в рамках противостояния литературного языка и забайкальского регионального узуса он принадлежал языковой среде, в которой исключительным средством общения был региолект.

Представителя низовой речевой культуры выдают региолектные особенности его речи, которые в силу диглосного характера языковой личности региолектноносителя неизбежно отражаются в любой форме речевой деятельности, в том числе – в письменном тексте. Прежде всего в письме представлены фонетические черты региолекта. Опыт анализа языковой личности с низким уровнем владения письменной речью свидетельствует о том, что адресант обычно, не понимая разницы между устным и письменным общением, передает на письме особенности своего произношения [21, с. 40]. Аналогично в письме Иванова прослеживается ориентация на устные формы общения, и наблюдается отражение таких фонетических черт забайкальского региолекта, как:

– нейтрализация твердых и мягких согласных в позиции перед гласными переднего ряда (*возми – возмы, пересипаль, ти ‘ты’ в ных ‘в них’* и др.);

– неразличение шипящих и свистящих (*попроси – попроши, дождись, мзесь* и др.).

Л.Л. Касаткин отмечал, что встречающееся в сибирских и дальневосточных говорах неразличение свистящих и шипящих в древности было свойственно некоторым севернорусским говорам [22, с. 68]. Отражение же явлений диспалатализации согласных было распространено в забайкальских письменных памятниках шире, не только в позиции перед гласными переднего ряда: *всякои – всакои, мяхкую – махкую, тучекъ – тучекъ* и др. [23, с. 68].

Помимо фонетических региолектных явлений в языке письма представлены своеобразные морфологические черты: окончание *-e* в формах род. п. ед. ч. существительных ж.

рода – для *коровѣ, до розолучке*; окончание *-е* в формах род. п. личного местоимения 2-го л. и возвратного местоимения – *у тебѣ, у сѣбе*.

На современной диалектной карте России формы род. п. ед. ч. существительных ж. рода на *-е* отмечаются в большей части южных говоров [22, с. 119], а формы род. п. личного местоимения 2-го л. и возвратного местоимения на *-е* характерны для Южного наречия и некоторых псковских говоров [22, с. 133]. Определенное противоречие отражения фонетических явлений севернорусского происхождения морфологическим фактам южнорусского происхождения объясняется, на наш взгляд, тем, что севернорусская диалектная база вторичных говоров Забайкалья во 2-й половине XVIII в. интенсивно впитывала элементы южнорусских говоров, носители которых в этот период активно заселяли забайкальский край.

Лексикон. Словарь в стилистическом отношении достаточно беден. В связи с тематикой и коммуникативной направленностью письма преимущественно представлена предметная лексика. В свою очередь среди конкретных бытовых слов отмечаются и регионализмы: *анбарь, слеймы, сомсовый платокъ, халзаный*. Кроме того, лексикон языковой личности Иванова составляют региональные слова, диалектизмы, просторечная лексика, обозначающие не только конкретные предметы – *мешкать, напоследка, прокормь, росчесться, розолучка, спознать* и др.

Заключение

Специфика языковой ситуации в Забайкалье XVIII в. заключалась в том, что региональный узус был самодостаточным и не зависел в своем функционировании от норм литературного языка нового типа. По сути в Забайкалье тогда была ситуация диглоссии, в которой литературный язык обслуживал книжные сферы функционирования, в том числе деловую сферу общения, а забайкальский региолект – бытовую.

Такое функциональное распределение участвовало в формировании разных лингвокультурных типажей. На материале писем делового содержания были реконструированы речевые портреты трех социальных категорий: лингвокультурного типажа высокопоставленного чиновника, военнотружашего в чине капитана и купца. Процедура речевого портретирования проводилась с помощью функциональной модели языковой личности, выстраиваемой по трем уровням – прагматикону, тезаурусу и лексикону.

Речевое портретирование начальствующего над Нерчинскими заводами Е. Е. Барботдемарина дало образ представителя элитарной речевой культуры, чья языковая личность свободна от черт носителя забайкальского региолекта и несет в себе типичные черты лингвокультурного типажа «высокопоставленный чиновник» – употребление социально маркированной формулы обращения, формул речевого этикета, книжно-славянской лексики, стилистически уместной и отвечающей коммуникативному заданию адресанта.

Речевой портрет языковой личности военнотружашего содержит признаки речевой культуры среднего уровня. Отличительной особенностью данного речевого портрета является сочетание книжно-славянских и народно-разговорных средств, которое, в частности отвечая коммуникативному намерению адресанта, в целом противоречит жанру письма делового содержания.

Наконец, речевой портрет купца Иванова представляет собой модель языковой личности, характеризующейся низовой речевой культурой. Ее главным отличительным призна-

ком является ориентация на устную форму общения, в частности – на забайкальский региолект того времени, поскольку слабо развитые речевые компетенции адресанта не позволяют разграничивать и соответствующим образом использовать устную и письменную формы общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С.136–137.
2. Кузнецова Р. Д., Бондарчук Н.С. Опыт реконструкции языковой личности рубежа XVIII-XIX веков // Тверской языковой регион в историко-функциональном и лингвогеографическом аспектах. Тверь: ТГУ, 1995. С.91–119.
3. Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва: МГУ, 1999.
4. Загуменнов А.В. Русская языковая личность первой половины XVII века в аспектах трансляции, коммуникации и интерпретации: на материале разножанровых текстов эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018.
5. Тупикова Н. А. О выражении славянской языковой личности в деловых текстах начала XVII века // Вестник ВолГУ, 2007. Сер. 2. Вып. 6. С. 168–173.
6. Косивцова А. В. Речевой портрет адресанта (на материале частно-деловых писем Н.А. Демидова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2011.
7. Корниенко Е. Р. Языковая личность в публицистическом дискурсе XVIII века (на материале журнала «Утренний свет», 1777–1780 гг.) // Филология, серия Гуманитарные науки. № 2, февраль 2019. С.138 –144.
8. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–106.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006.
10. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М.: Наука, 1995.
11. Иванцова И. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник ТомГУ. Сер. Филология. 2010. № 4 (12). С. 24–32.
12. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова. Сост. А. П. Майоров. С. В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-тво Бурятского госуниверситета, 2005.
13. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Изд-тво ЛКИ, 2008.
14. Словарь русского языка XVIII века. Вып.3 (*Вгък-Воздувать*). Л.: Наука, 1987.
15. Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII века. СПб.: Нестор–История, 2015.
16. Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 25 (*Скорынья-Снулый*). М.: Наука, 2000.
17. Шепелёв Л. Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.: Центрполиграф, 2005.
18. Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 6 (*Зипунъ-Иянуарий*). М.: Наука, 1979.
19. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9 (*Из-Каста*). Л.: Наука, 1997.

20. Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 19 (*Пренебесный-Присвѣдѣтельствовати*). М.: Наука, 1994.
21. Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Речевой портрет провинциалки предреволюционной России // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Т.9. Вып.1 (2017). С. 38–45. http://www.gfp.psu.ru/archive/2017.9.1/logunova_mazitova.pdf
22. Русская диалектология. под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Academia, 2005.
23. Майоров А. П. Отражение в региональной деловой письменности XVIII в. фонетических явлений в области согласных русского языка // Вестник БГУ. Сер. Филология. Вып. 10/2013. Улан-Удэ, 2013. С.66–69.

Список сокращений

- д. – дело
л. – лист
оп. – опись
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия
ф. – фонд.

УДК 821.161.1

О. В. Пустовалов

Томск, Томский политехнический университет,
Хэйхэ (КНР), Хэйхэский университет

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ МАТУШКИ АННЫ, СУПРУГИ ПРАВОСЛАВНОГО СВЯЩЕННИКА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ТРЕХРЕЧЬЕ

В статье представлен речевой портрет матушки Анны, потомка русских переселенцев в китайское Трехречье, супруги православного священника. Анализ речи Анны выполнен на материале записей, сделанных во время экспедиций в 2017 и 2018 гг. в китайское Трехречье, одно из мест переселения русских в Китай. В статье выявлены особенности речи Анны в обусловленности собственно языковыми и социолингвистическими факторами.

Ключевые слова: речевое портретирование, русский язык в Китае, диалектная форма языка, билингвизм, интерференция.

The article presents a speech portrait of Mother Anna, a descendant of Russian settlers in the Chinese Three Rivers, the wife of an Orthodox priest. An analysis of Anna's speech was carried out on the material of recordings made during expeditions in 2017 and 2018. in the Chinese Three Rivers, one of the places of resettlement of Russians in China. The article reveals the features of Anna's speech in terms of the actual linguistic and sociolinguistic factors.

Keywords: speech portrait, Russian language in China, dialectal form of the language, bilingualism, interference.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.13